

«С «лейкой» и блокнотом, а то и с пулеметом первыми врываются в город...» Эти слова из песни о фронтовых журналистах каждый раз оживают в нашей памяти, стоит лишь взглянуть на пожелтевшие от времени снимки, на которых красноармеец-политрук поднимает бойцов в атаку, жители освобожденной Праги приветствуют наших воинов. Сколько мужества надо было иметь военным репортерам, чтобы донести до потомков летопись своей страны. И не только мужества, но и большой находчивости. Об одном из фронтовых корреспондентов, вернее, о том, как рождался его шедевр — фотографии «Знамя Победы над рейхстагом» и «Подписание акта о капитуляции Японии» — этот рассказ.

Легенда журналистики

Мой старший коллега и наставник, известный нижегородский фотокорреспондент газет «Нижегородская Правда» и «Нижегородские новости», заслуженный работник культуры России Семен Евсеевич Лозинский рассказал о встрече с легендой фронтовой журналистики Виктором Антоновичем Тёминым. Он приехал в город Горький в декабре 1970 года. «Тогда Тёмин посетил секцию фотхудожников горьковского отделения Союза журналистов СССР. Никакой тени превосходства над нами, молодыми фотокорами. Он был простым и естественным в об-

Дать бы тебе Звезду Героя

В Москву — любой ценой!
Как исторические снимки попадали в «Правду»

и, что называется, был вхож к командующему Первым Белорусским фронтом маршалу Советского Союза Георгию Жукову, который фактически руководил проведением Берлинской операции. Маршал уважал боевого фотокора и еще в начале штурма Берлина обратился к Тёмину: «Нужно заснять все самые значительные моменты». Для такой ответственной работы Жуков выделил самолет.

Полеты были далеко не безопасными. Часто с земли шел обстрел. В общей сложности за время этих полетов самолет получил около полусотни пулевых и осколочных пробоин.

И вот 1 мая 1945 года крылатая машина подлетает к зданию рейхстага. Кругом дым, все горит, рвутся снаряды. В связи с очень сложной обстановкой удалось только раз пролететь вблизи рейхстага, где развевался красный флаг. И так, кадр отснят. Что же делать дальше? Конечно же, немедленно лететь в Москву, чтобы опубликовать фотографию в «Правде» — главном печатном органе Центрального Комитета партии и Московского комитета ВКП (б). Вопрос только, на чем лететь. Несколько раз Тёмин пытался попросить у Жукова для этой цели самолет. Однако время было особенно напряженное, и адъютант говорил, что маршал пока не сможет его принять. Фотокор побежал по начальникам — к одному, другому все с той же просьбой: дать самолет до Москвы. Но начальники только отмахивались.

Надо учитывать, что из Берлина тогда можно было вылететь лишь по особому распоряжению. Только самолет Жукова «По-2» мог взлетать и садиться свободно. И тогда Тёмин подошел к личному пилоту маршала Ивану Вештаку и говорит: «Георгий Константинович распорядился срочно отвезти меня в Москву». Тот: «Как? Я ничего не знаю!». Тёмин настаивает на своем: «Жуков сказал — немедленно, и как можно бы-

стрее». Тут летчик сдался: «Ну, раз маршал приказал, садитесь, самолет запущен».

И полетели. Шесть долгих часов. Уже в небе над Польшей сквозь радиопомехи летчик услышал странные разговоры. Просто говоря, доносилась ругань. «Ничего не понимаю», — думал пилот. Но фотокор-то знал, в чем дело и лишь приговаривал: «Нужно быстрее, это распоряжение маршала». А ведь риск быть сбитыми был более чем реальный. При подлете к столице стояли эшелонированные части противовоздушной обороны. Нужно было знать шифрованные радиокоды, чтобы пройти беспрепятственно. Эти пароли менялись ежедневно.

В Москву прилетели под вечер. Тёмин приказывает пилоту оставаться на аэродроме, а сам (опять же «именем Жукова») берет первую из попавшихся военных машин и мчится в редакцию «Правды». К счастью, главный редактор Пётр Поспелов был на месте (нередко он даже ночевал в своем кабинете — газета была на военном положении). Тёмин доложил ему суть дела.

«Ох! — только и сказал редактор, после чего вызвал к себе ответственного секретаря, — немедленно переверстать первую полосу!» И почти на всю страницу

терявшегося летчика: «Я же не знал!»

В штабе у Жукова шло совещание. Как только привели «пленного», командующий приказал всем генералам выйти и повернулся к «угонщику». «Это что такое, капитан?! Взять мой личный самолет! Под трибунал! Расстрелять!». В этот момент Тёмин достает из-за пазухи еще пахнущие типографской краской номера «Правды» и показывает их маршалу. Долго смотрел Жуков на снимок, и было заметно, как маршал остывает. Потом даже улыбнулся, подошел к Тёмину и пожал ему руку: «Ну ладно! Дать бы тебе Звезду Героя, если бы не угнал самолет. А так — только орден Красной Звезды».

Личный фотограф Сталина

В августе 1945 года, выполняя свои союзнические обязательства, СССР объявил войну Япо-

Фронтовое братство. Крайний слева В.А. Тёмин.

нии. А военного фотокора Тёмина отправили на Дальний Восток. Предстояло освещать важное событие. 2 сентября 1945 года на борту американского линкора «Миссури» состоялась церемония подписания акта о безоговорочной капитуляции Японии.

Верховный главнокомандующий союзных держав генерал Ма-

извлекли и доставили на «Миссури» флаг, который в 1854 году нес командор Перри, силой оружия заставивший Японию подписать неравноправный договор. Режиссерским находкам Макарттура не было конца. Посреди палубы линкора водрузили большой стол, за который уселись представители стран-победительниц. Надо сказать, что зеленый свет на этой церемонии был дан американским журналистам. А нашим даже не выдавали пропуска на линкор.

Тёмин попытался подкупить охрану — он буквально набил штаны банками с икрой и водкой. Не помогло! Попробовал по-нахальному прорваться на палубу, но ему намекнули: еще раз сунешься, скинем в воду вместе с аппаратурой.

А время шло. Вот к трапу направляются представители делегаций. От СССР акт подписывал генерал-лейтенант Кузьма Деревянко. Тёмин буквально бежит к нему: «Меня не пускают, помогите». Не оборачиваясь, генерал произнес: «Иди за мной, ни на кого не обращай внимания». На палубе Деревянко поздоровался с Макартом и представил советскую делегацию: «А это — личный фотограф Сталина. Он просит дать ему где-нибудь место». «О'кей!» — сказал Макартур. Все технические проблемы были решены.

Настал час подписания. Все затихло. Оглушающую тишину нарушил стук палки о палубную броню. К столу шел, сильно прихрамывая, министр иностранных дел Японии Мамору Сигэмицу, за ним начальник генерального штаба генерал Умэдзу и сопровождающие лица. Не доходя до стола, японские представители остановились — наступили «моменты позора».

Под взглядами сотен моряков и журналистов японцы отстояли предписанное им время, а затем Сигэмицу и Умэдзу подписали акт о безоговорочной капитуляции. Этот исторический момент, запечатленный Виктором Тёминым, не раз тиражировали все советские газеты и журналы. Неоднократно снимок публиковался и в исторической литературе.

Игорь Чистяков

щении. И это несмотря на его боевые награды — медаль «За отвагу», орден «Красной Звезды», — говорил Семен Евсеевич. А еще мэтр фронтовой журналистики рассказывал коллегам о «секретах» известных на весь мир снимков Победы. Фотография, где воины штурмовой 150-й ордена Кутузова II степени Идрицкой стрелковой дивизии Михаил Егоров и Мелитон Кантария водружают 1 мая 1945 года на крыше здания рейхстага в Берлине красное знамя, была исторической правдой. Но сам снимок был... постановочным. Репортеры просто попросили их попозировать. «Живой» кадр сделал Виктор Тёмин.

Пришлось угнать самолет маршала Жукова

Виктор Тёмин работал военным фотокорреспондентом «Правды»,

Маршал Г.К. Жуков и В.А. Тёмин.

был поставлен этот снимок с подписью: «Над фашистским логовом вьется Красное знамя Победы».

Когда возвратились в Берлин, их встречали. К самолету подбежали офицеры с оружием, личный адъютант маршала. Приказали: «В машину!» Надо было видеть глаза рас-

картур вел церемонию так, чтобы создать впечатление, что Япония якобы сокрушена чуть ли не одними Соединенными Штатами. Дабы подчеркнуть, что победа над Японией подводит итог почти столетней политики США на Тихом океане. Из американского музея